

Их руки были связаны веревками. Хотя похитители и не верили, что две маленькие девочки способны сбежать — по крайней мере, маленькая нищенка точно никуда не денется, — они все же перестраховались на случай непредвиденных обстоятельств.

Ее запястья были стянуты туго, и в сердце медленно прорастало отчаяние. Возможно, судьбе было угодно, чтобы она погибла здесь.

Небо прояснилось, взошла полная луна. Она смотрела в окно, и внезапно ее охватила невыразимая тревога и тоска. Умереть в этом грязном месте — что может быть хуже?

Ей не следовало возлагать надежды на ребенка, думала она, насмехаясь над собой. Как она могла довериться незнакомке?

Глядя на безразличное лицо Линь, она постепенно теряла надежду.

Она не знала, что Линь лишь притворяется, чтобы усыпить их бдительность. Эта девочка, которая была всего на год старше, обладала удивительной зрелостью. По сравнению с ней любой другой ребенок казался менее находчивым.

Полночь тихо приближалась, оба мужчины провалились в тяжелый сон. Трое младенцев, наевшись, спали крепким сном. Воздух застыл, словно окаменев. Тиканье часов внушало все больше страха. В непроглядной тьме она слушала мерный стук и считала секунды, высчитывая время. Свет погасили в девять, значит, через десять с лишним тысяч секунд наступит полночь. Полночь — время, когда они должны спать крепче всего, время ее побега. Но руки... они связаны.

Мужской храп гремел, как гром, вызывая у нее раздражение и тошноту. Она больше не могла находиться здесь, чувствуя себя как воздушный шар, который стремительно взмывает вверх и вот-вот лопнет под давлением атмосферы.

Каждая секунда была удушающей. Она отчетливо слышала собственное дыхание и стук сердца, которые казались оглушительными в этой звенящей тишине.

Она легонько толкнула Линь, но та не шевельнулась — казалось, она уснула. Она хотела осторожно разбудить девочку, но едва открыла рот, как уловила слабое колебание воздуха. Линь тихо и быстро прошептала:

— Не говори ни слова!

В этот момент один из мужчин встал с кровати, нашел ночной горшок и, не открывая глаз, помочился. Затем, шатаясь, забрался обратно и снова захрапел. Его огромная тень напоминала призрака.

Обошлось. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Она осторожно пошевелила затекшими запястьями и внезапно нащупала твердый предмет — перочинный нож, который она в спешке спрятала в карман. В голове молнией пронеслась мысль, и уголки ее губ дрогнули в злой усмешке.

Убить их.

Но эта идея была тут же отброшена. У них был только один нож. Если вонзить его в грудь одному, крик разбудит второго, и их обнаружат. Две маленькие девочки не смогут одолеть крепкого мужчину, к тому же неизвестно, умрет ли он сразу. А если нет? Если он вместе с подельником обрушит на них гнев? Тогда смерть будет неизбежна.

Крупные капли холодного пота выступили на лбу. Это была самая эмоционально тяжелая ночь в ее жизни.

Спустя долгое время она вдруг услышала слабый шорох со стороны Линь. Приподнявшись, она не поверила своим глазам: Линь перетирала веревку зубами!

Она просунула два пальца в карман и вытащила трехдюймовый перочинный нож.

— Используй это!

Линь уже едва могла говорить от усталости. Она осторожно поднесла нож к губам девочки. Линь сжала зубами обух, двигая руками из стороны в сторону. Пот градом катился по ее лицу.

Прошло неизвестно сколько времени — казалось, целая вечность, — и когда она уже готова была отказаться от мысли о побеге, веревка с треском лопнула. Линь быстро высвободила руки, повернулась и помахала ими перед лицом девушки. В темноте блеснули два ряда белых зубов. Линь радовалась, как победительница.

Она тоже улыбнулась, необычайно ярко. Эта улыбка шла из самой глубины души. Но, увидев, как Линь обливается потом, она почувствовала, как сжалось сердце. Она никогда раньше не испытывала подобного чувства и не знала, как его выразить. Позже, когда это ощущение будет возникать в ее сердце бесчисленное количество раз, она поймет: это называется жалость.

Линь разрезала и ее веревки. В тот же миг она почувствовала прилив сил, боль в запястьях исчезла.

Они поднялись на цыпочках, сошли с кровати, и Линь в радости крепко обняла ее!

Она не любила телесного контакта, но эти объятия заставили что-то в ее душе медленно

оттаять. Она улыбнулась и подумала: мне нравится эта девочка.

Они медленно двинулись к двери. Каждый шаг был полон смертельного риска. За этой деревянной дверью была свобода!

Линь осторожно сдвинула тяжелый деревянный засов, стараясь не издать ни звука. Вдруг она словно что-то вспомнила и замерла.

Линь жестом велела ей отодвинуть засов, а сама подошла к столу, где осталась полупустая миска с жирной свининой, и о чем-то задумалась. Вдруг она заметила мужскую одежду, висевшую на стене. Но та находилась рядом с дверью во внутреннюю комнату: если раздастся шум и это разбудит мужчин, все будет кончено. Однако в карманах могли быть деньги...

Линь решила рискнуть. Она осторожно подошла к одежде и медленно сунула руку в карман. Шуршание ткани показалось оглушительным. От страха у нее едва душа не ушла в пятки.

Пот струился по ее лбу. Наконец, она нащупала пачку денег.

Но в этот момент второй мужчина проснулся. Линь быстро выдернула руку и присела.

В комнате было темно. Мужчина, спотыкаясь, побрел вдоль стены, пытаясь нащупать выключатель, но безуспешно.

Она, отодвинув засов, спряталась у поленницы рядом с дверью и, не смея пошевелиться, смотрела на Линь. Она сжала зубы и беззвучно молилась: Хун, защити нас. Холодный пот пропитал одежду, ее била мелкая дрожь.

Мужчина, шатаясь, направился к Линь. Линь осторожно отступила назад, а затем, бесшумно кувыркнувшись, откатилась в сторону. Мужчина сделал еще пару шагов, расстегнул штаны и помочился у стены.

Закончив, он снова побрел к кровати.

Они просидели на своих местах полчаса, не решаясь встать. Когда храп возобновился, она медленно подползла к Линь.

— Ты в порядке? — спросила она, видя, что лицо Линь стало мертвенно-бледным, а по лбу градом катились крупные капли пота.

— Я в норме, просто сердце немного прихватило, — ответила Линь.

Она хотела что-то сказать, но Линь перебила ее:

— Засов отодвинула?

Она кивнула. И снова почувствовала ту самую щемящую жалость.

— Идем! Сначала прочь отсюда! — сказала Линь.

<http://bllate.org/book/20764/2083555>